

Пролог

За четыре года до событий

— Доброй ночи, будущая миссис Вуд!

Я помахала рукой Глории и Грэхему, которым вскоре предстояло стать моими свекрами. Чуть нетрезвой походкой они спустились по тропинке вслед за нашими друзьями, оставшимися дольше всех, и скрылись в ночной тьме. Я закрыла дверь и взглянула на кольцо со сверкающим бриллиантом, украшавшее мою левую руку. Я никогда не носила много драгоценностей и поэтому долго не могла привыкнуть к нему.

— Я не уверен, что мне нравится, как это звучит, — прошептал мне на ухо Лукас, обнимая за талию.

Я приподняла бровь.

— Передумал?

— Ни за что!

Жених развернул меня лицом к себе. Я увидела до боли знакомые взъерошенные светлые волосы, загорелую кожу и широко раскрытые ярко-голубые глаза. Он указал на висящую в коридоре картину, изображавшую пляж в двух шагах от нашего дома. Его взгляд задержался на подписи в углу... На моей подписи...

— В один прекрасный день ты можешь стать богатой и известной художницей, нельзя менять подписи на работах.

Я усмехнулась, прижимаясь к его груди:

— Не думаю, что стоит об этом беспокоиться.

— Как звать?

— Ты серьезно? Хочешь, чтобы я оставила свою фамилию, когда мы поженимся?

— Пока мы женаты, это не имеет никакого значения, разве не так?

Лукас всегда был самым преданным поклонником моего творчества. Возможно, потому, что на уроках искусства в школе мы и познакомились сто лет тому назад. И еще когда мы с ним были подростками, моя мама повторяла, что Лукас — сокровище, а она никогда не ошибалась. Я потянулась к его губам, не в силах удержаться от поцелуя. Тепло и уют окутывали меня, стоило нашим губам встретиться. И так было всегда.

Нечестно притворяться, будто его предложение в тот день стало для меня неожиданностью. Сомнений, что в конечном итоге мы будем вместе, у меня не было давно, но мы были довольно молоды, и я думала, что должно пройти чуть больше времени. Он охотно ответил на поцелуй и потащил меня за руку в маленькую гостиную, в которой еще несколько минут назад шутили и болтали дорогие нам люди. Лукас хотел, чтобы все они были здесь и разделили с нами особый момент. Ему нравилось, что наша семья и друзья были частью наших отношений. Мы жили в небольшом городке, все вокруг знали нас и были радостно взволнованы нашей предстоящей свадьбой. Я, конечно, любила Толтинг так же, как и Лукас, но мне нравилась мысль, что остаток ночи принадлежит лишь нам двоим. Время, когда мы оставались наедине в нашем доме, всегда было моей любимой частью дня.

Мы свернулись на кожаном диване в нашей обычной позе: Лукас сидел ровно, а я — опершись о его грудь и согнув ноги в коленях. Лукас убрал выбившийся локон с моей щеки и посмотрел на каминную полку, уставленную нашими фотографиями.

— Жаль, что я не мог попросить твоей руки у нее.

— У кого?

— У твоей мамы. Я всегда думал, что попрошу ее разрешения, хотя нет, благословения, ведь отказа я не принял бы. Хотел бы я, чтобы она была с нами, — прошептал он, зарывшись в мои волосы.

Я рассматривала снимки, перемещая взгляд от фото, сделанного на Карибском пляже к тому, где мы с его родителями, когда были младше, затем к тому, где мы с Эммой и Джоном, нашими лучшими друзьями, и наконец, где я с мамой в доме моего детства.

— Я тоже очень этого хотела бы. Но ты же знаешь, что она была бы за нас счастлива. Мне кажется, она любила тебя даже сильнее, чем я.

— Просто она понимала, что я всегда буду о тебе заботиться.

Чувствуя наворачивающиеся слезы, я отвернулась от фото и посмотрела Лукасу в глаза. Он всегда помогал мне успокоиться.

— Ты сам выбирал кольцо? — спросила я.

Он рассмеялся, и я почувствовала, как вздымается его грудь.

— Меня немного беспокоит, насколько хорошо ты меня знаешь. Эмма прямо-таки требовала, чтобы я взял ее с собой, она и Джона с нами потащила. Пару недель назад мы ездили в Плимут. Не шучу, мы были там целую вечность. Она вволакивала меня в каждый ювелирный магазин, твердя, мол тебе носить его всю жизнь, а потому оно должно быть идеальным. Признаться, я думал, что все кольца с бриллиантами одинаковы... я еще никогда так не ошибался, — произнес он, качая головой.

Я могла представить, с какой горячностью Эмма доказывала ему обратное. Втайне я была согласна с Лукасом, но у меня не хватило бы духу признаться в этом подруге.

— Что ж, я в восторге: значит, ты сделал правильный выбор, — сказала я жениху.

Лукас повернулся, серьезно глядя на меня:

— Это то, чего ты хотела, не так ли?

— Ну, я все еще жду Брэда Питта, но раз уж он не спешит в Толлинг... — дразня, я потянулась, чтобы поцеловать его в нос.

— Очень смешно, — с сарказмом ответил он, — я просто хочу убедиться, что ты никогда не пожалеешь о решении провести со мной всю жизнь.

Не так давно мы вернулись из путешествия. Вместо поступления в университет мы выбрали возможность быть молодыми и свободными и отправились посмотреть мир. Эмма даже думала, что Лукас сделает предложение именно в путешествии. «Представь, как он перебирает все романтические места, где можно это сделать», — рассуждала она, пока мы покупали мне одежду в дорогу. Но я не соглашалась с ней. Родной город всегда был саундтреком к нашим отношениям — здесь мы родились и росли и здесь хотели со-стариться. Я знала, что по его замыслу предложение руки и сердца должно произойти именно в Толтинге.

Я вспомнила, как это было. Он встал на одно колено, держа в руках голубую бархатную коробочку. Я не замечала ни вздохов, ни улыбок вокруг. Все мое внимание поглотил он — мой Лукас. Мой лучший друг, мой партнер, моя родственная душа.

Мое все.

— Не могу дождаться церемонии, — сказала я. — Ты понимаешь, какие мы счастливики? Иногда я смотрю на других людей и удивляюсь тому, как нам повезло, что мы встретились. Мы просто созданы друг для друга.

— Как Росс и Рэйчел?

Я покачала головой и улыбнулась. Он был помешан на «Друзьях».

— Ты понимаешь, что планирование свадьбы все равно станет кошмаром?

— Здесь это будет новостью года, и все захотят поучаствовать. Будет весело, — возразил он, — мы обвенчаемся в церкви, а потом закатим грандиозную вечеринку. Тебе не придется ничего делать: мама, Эмма и Джо все организуют. Все, что тебе нужно, — это надеть белое платье и прийти.

Я простонала:

— Боже, белое платье.

— Ты сможешь, я верю в тебя.

Я легко толкнула его локтем в ребра:

— Эй, ты сам выбрал пацанку, это только твоя вина.

Он снова посерьезнел и сказал:

— Я сделал идеальный выбор.

Я закатила глаза: все это слишком непривычно. Мы с Лукасом из тех пар, которые знают, что любят друг друга, а потому не испытывают нужды бесконечно это повторять.

— Сегодняшний вечер превратил тебя в невыносимого романтика.

— Не волнуйся, завтра я снова стану просто невыносимым.

— Как скажешь, — я потянулась к нему для долгого поцелуя и снова упала в его объятия, желая, чтобы они длились вечно.

— Мы будем вместе всегда, — пообещал он, будто прочел мои мысли. На самом деле я иногда думала, что он способен на это. И в моем сердце не было сомнений в его правоте.

В тот момент я находилась в счастливом неведении о том, как недолго продлится наше «всегда».

Глава 1

Наши дни

Говорят, что в маленьком городке каждый чем-то знаменит.

В родном Толтинге я была знаменита своей живописью.

Последняя картина?

Я устала на жирный заголовок на первой странице «Корнуэлл Ньюз». «Возможно, это ваш последний шанс приобрести картину известной местной художницы Роуз Уокер», — гласила первая строчка статьи.

— Зачем ты снова это читаешь? — строго спросила моя лучшая подруга Эмма, входя и садясь напротив. — Кто оставил это здесь?

Она с осуждающим видом осмотрела комнату. Прошло две недели с момента появления статьи, а написанное в ней не оставляло меня в покое.

Вошел Джо, наш начальник, и увидев газету, виновато взглянул на меня.

— Я думал, мы договорились избавиться от них, — произнес он.

— Это не выходит у меня из головы, — ответила я, мысленно возвращаясь к молодому журналисту, который в этом же баре брал у нас интервью, чтобы опубликовать его в номере к пасхальной ярмарке, запланированной на эту субботу.

Эмма вырвала газету из моих рук.

— Не могу поверить, что ему хватило нахальства, — прорычала она.

Мне не нужно было видеть статью, чтобы помнить, что в ней. «Мисс Уокер не написала ничего нового за последние два года, и не похоже, что мы увидим какие-либо работы этой талантливой женщины в будущем, так что поспешите в ее магазин на ярмарке и купите оригинальную Уокер, пока не поздно».

— Мне жаль, Роуз, — в сотый раз повторил Джо, с ужасом глядя на газету, — я просто хотел дать ему понять, как горд, что ты участвуешь в ярмарке в этом году после всего, через что ты прошла. Насколько все мы горды.

— Он перекрутил все твои слова! — негодовала Эмма, пытаясь успокоить его. Я знала, как Джо переживал из-за статьи. Она скомкала газету. — Мы все очень гордимся тобой. И статья этого не изменит.

Два года назад мой мир перевернулся с ног на голову.

Я больше не была известной в Толтинге художницей. Вместо этого я приобрела известность в роли, которую раньше не могла даже представить, — двадцатичетырехлетней вдовы.

Апрельская погода дарила тепло, а значит, Толтинг начал свое превращение из неприметного прибрежного городка

в популярное туристическое место. Таковым его делала полоса золотого песка и — что важнее — отличные волны для серфинга. Наша пасхальная ярмарка всегда была одним из моих любимых мероприятий, но прошлогоднюю я пропустила, не в силах представить себе участие в ней без Лукаса. В этом году впервые за десять лет мне предстояло участвовать без него, и я готовилась смириться с этим. Я все еще не была уверена, что ярмарка в одиночестве мне под силу, но нужно было продать последние картины.

Осколки прошлой жизни.

Я не видела иного способа вернуть саму себя. Мне нравилась ярмарка, и я решила снова принять в ней участие. Она была самой сутью жизни в Толтинге, а жить в другом месте я не хотела. Предыдущие два года испытывали на прочность мою в этом уверенность.

Дверь бара с размахом открылась, вошла группа туристов, шумных и привлекающих всеобщее внимание. Благодаря синоптикам, пообещавшим теплую погоду на эти выходные, ярмарке было суждено принять очень много посетителей, а в гостинице «Толтинг» и всех окрестных мотелях были раскуплены все номера.

Вероятнее всего, эту компанию заманили сюда волны. Я разглядела в них жителей большого города, банковских служащих или кого-то в этом духе, приехавших сделать паузу и выпустить пар. Их наряды казались по-серферски небрежными, но выглядели дорого. Такие могли и не выбраться к морю или сделать это лишь раз — чтобы сделать фотографии и похвастаться друзьям на Фейсбуке.

— Ну вот, началось, — проворчала миссис Моррис, подходя ко мне, чтобы забрать свои сумку и пальто, и, сощурившись, глядя на приезжих.

Ее кафе служило галереей для моих картин с тех пор, как я была подростком, но после ремонта, сделанного перед многолюдным туристическим сезоном, места для них не нашлось. Это дало мне прекрасную возможность освободиться от них.

— Всегда вздыхаю с облегчением, когда это все заканчивается, — добавила она.

Миссис Моррис была еще одной местной знаменитостью. Ей было около семидесяти, но никто не знал ее точный возраст, и у нее, кажется, никогда не бывало дней рождения. Ее единственная дочь переехала куда-то на север после замужества, но внучка Аманда жила здесь с ней.

— Это будут беспокойные месяцы, — уклончиво ответила я.

Миссис Моррис являла собой пример типичной жительницы Толтинга. Любимым нашим занятием было жаловаться друг другу на то, как каждый туристический сезон город наполняют приезжие, хотя все втайне были этим довольны. Среди прочего я любила Толтинг и за эту эксцентричную особенность местных жителей. На самом деле я никогда не была против туристов, оккупировавших город все лето и весь сентябрь. «Добро пожаловать!» — все, что я думала по этому поводу.

— Все закончится раньше, чем вы успеете осознать, — утешил ее Джо, подмигивая мне.

Я точно знала, насколько вырастает уровень доходов бара в сезон. Джо был дядей Эммы, а потому я знала его всю свою жизнь. Он давно отпраздновал шестидесятый день рождения, копна непослушных седых волос и пивное брюшко были постоянными объектами шуток Эммы. Я проработала на него восемь лет, и он тешил себя мыслью, что заменил мне отца. Он часто навещался ко мне, чтобы «кое-что починить», а на самом деле просто поведать. В его компании невозможно было киснуть из-за статьи, я была просто вынуждена отложить ее и надеяться, что Эмма права и с ее помощью я точно распродам все оставшиеся картины. И умалчивать о главной причине, которая не давала мне разозлиться на журналиста: я боялась, что он окажется прав в том, что это мои последние проданные картины.

— Нам лучше приняться за работу, — сказала Эмма, протягивая мне руку по пути в подсобку, куда мы направились,